

КД 994366

ЕФИМ ТВЕРДОВ

СКАЗОЧНЫЙ РЫБАК

ЕФИМ ТВЕРДОВ

СКАЗОЧНЫЙ РЫБАК

к1994366

Архангельск • 1983
Северо-Западное
книжное издательство

Рисунки Р. С. Климова

- Твердов Е. Г.
Т26 Сказочный рыбак: Рассказы./рис. Р. Климова./ —
Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983 г.— стр. 48, ил.

Если бы Ефим Григорьевич Твердов рассказал обо всём, что он повидал в жизни, то понадобилось бы несколько томов. Ещё бы! Он мальчишкой ещё сражался против белых в Чапаевской дивизии. Потом долгие годы работал авиатором. Ранения, полученные на фронтах, заставили его сменить шашку и винтовку на более мирное оружие: резец и перо.

Кто бывал в Вытегре Вологодской области, тот, наверное, видел в краеведческом музее чудо-дворцы и диво-терема, вырезанные дедушкой Ефимом из различных пород дерева.

А в книге этой Ефим Григорьевич открывает ещё одну сторону своего творчества — дарит юным читателям рассказы о природе, в которой он знает толк не только как охотник и рыбак, но и как добрый и надёжный её друг.

Т 70602 35—83 4803010102
М157(03)—83

ИВУШКА

В апрельское разводе мой дедушка принёс из лесу двух маленьких медвежат. Вынимая их из большого заплечного пестеря, с сожалением проговорил:

— Какой-то негодяй убил их матку в Спорном лесу и оставил двух сиротинушек.

На третий день один из медвежат, самец, умер в запечнике. То ли от жары, то ли от переедания. Осталась у нас его сестра. Мы её окрестили Ивушкой.

Ивушка прижилась в нашем доме, и мы с ней сдружились так, что водой не разлить. Была она послушна, в еде неразборчива: что давали, то и ела. К концу года Ивушка подоб-

рела, телом стала справная, весёлая, игривая.

Наша деревня разместилась на берегу Вожеги. Дома в деревне пятистенные, крылечки шиты тёсом. На князьках домов либо петух вертится, либо сова, а кое-где красуются выделанные умельцами олени рога.

На нашем князьке сидел железный петух. На ветру он поворачивался и всё время скрипел. Скрип этот надоел Ивушке. Она залезла на крышу дома, сорвала с князька петуха и бросила так далеко, что мы его найти не смогли. На князёк поставили деревянную сову. Ивушка её не трогала, видно, признала в ней свою лесную землячку.

Прошло два года.

Однажды под конец августа мы возвращались в деревню с пожни. Весь день Ивушка была с нами, лежала на полосе, шелушила спелый овёс. Вечером дошла с нами до Чёрного ручья, а у него отстала. Видно было, как она бойко побежала в вересовые кусточки.

После ужина я сел у домика на скамейку. Подошёл дедушка, спросил:

— Ждёшь?

— Жду,— ответил я с грустью.

Дедушка сел рядом и тоже стал ждать.

Уже в сумерках Ивушка вернулась домой. Она села на задние лапы и заискивающе стала смотреть нам в глаза — просила прощения. Я обрадовался, а дедушка загрустил:

— Если зверюга попробует крови и сырого мяса, сразу потеряет ласку, будет злой. Посмотри, внук, — продолжал дед, показывая на губы медведицы, — она нашла в петле ещё живого зайца, убила его и съела.

— Значит, она захотела есть?

— Не то, внук, говоришь. Не то. Она всё равно от нас уйдёт.

Дедушка был прав. В конце сентября Ивушка исчезла. Я обшарил все ближние перелески, сосновые борки и берёзовые райки. Искал, звал Ивушку, но она не вернулась. Дедушка тогда сказал:

— Зверь всегда остаётся им. Можно считать, что выступление актрисы окончено, зрители могут спокойно расходиться по домам...

Прошла ещё одна зима. Пожаловала весна. Сначала заговорили шумливые ручейки, потом высоко в синем небе колокольчиком зазвенел жаворонок, а в роще защёлкал соловушка. Мы с дедом вышли к Голубым озёрам на рыбалку. Перейдя речку, встретили насторожённую тишину. Ветра не было, не было и шорохов лесных. Дед остановил меня:

— Ты, паря, иди прямо и упрёшься в избушку у озера, а я поправлю ловушки.

И я пошёл. Скоро показалось, что за мной кто-то крадётся. То слышался стук упавшей с вершины еловой шишки, то треск сухого

сучка. Я останавливался, прислушивался и, подбадривая себя, снова шёл вперёд. Чтобы отделаться от навязчивых страхов, стал петь.

Я знал много песен, но особенно любил «Среди долины ровныя...» Когда я пел её, Ивушка, бывало, ложилась у моих ног и с упоением слушала.

И вот я запел эту песню. Запел полным голосом. Эхо поднялось над вершинками и побежало вдаль. Вдруг позади себя я услышал негромкое рывканье. Посмотрел — и на просеке увидел большого бурого медведя. Поднявшись на задние лапы, он шёл прямо на меня. За ним бежали два маленьких медвежонка. В первую минуту я хотел бежать от зверя, но потом передумал, залез на высокую ель и стал звать деда. Он скоро пришёл, тоже увидел медведя, но почему-то велел мне слезть с лесины. Когда я встал рядом с ним, он тихо прошептал:

— Да ведь это наша Ивушка. Видишь, у неё левое ухо с бантиком — это я такую ей приметину сделал. — И он стал звать Ивушку к себе: — Здорово, голубушка. Как зимовала? Ну, иди к нам, поздоровайся, может, ещё не забыла.

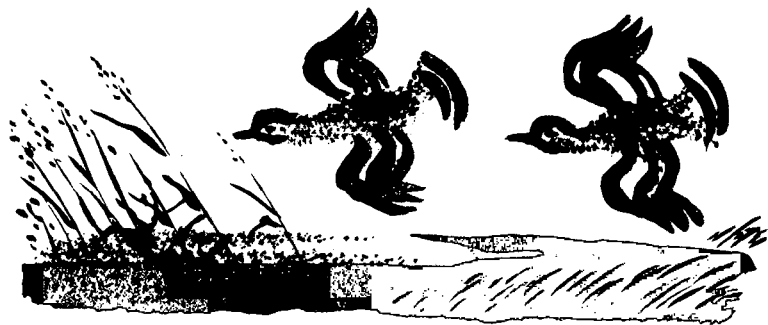
Медведица отстранила от себя назойливых детишек, подошла к нам близко и долго нас рассматривала. Потом подняла правую лапу, словно и впрямь хотела поздороваться, а мне

показалось, что она на радостях улыбнулась: мол, глядите, каких детей я народила! Потом Ивушка повернулась к детишкам, рывкнула на них и, свернув с просеки, повела в лесные непролазы, видимо, туда, где жировала.

Мне стало грустно до слёз, а дед улыбнулся:

— Не грусти, внук. Придёт новая весна, и мы опять с ней встретимся. Наша дружба ещё не остыла. Зверь добро помнит.

НОЧЬ НА БОЛОТЕ

Облюбав место для ночлега под глыбой скалы, я не стал разводить огня. Было тепло и даже немножечко парко, а что поесть — у меня было. Хотелось посмотреть, что делается в белой приполярной ночи, не спугнутой присутствием человека. Из-за каменной глыбы я смог видеть прилегающее к неширокой сопке ягельное болото, поросшее кое-где мелкими сосенками да чахлыми берёзками.

Ветра не было. Он ушёл за отроги Пай-Хоя и унёс с собой шум леса. Стояла нерушимая тишина вечера. Хотя солнце уже скрылось за лесом и за дальними сопками, вокруг было много света.

Поужинав тушёнкой, я растянулся на зелёном лоскутке земли.

Первыми появились журавли. Благород-

ной поступью стали они прогуливаться вокруг гнёзд. Малость погуляв, сменили своих подружек и сели на гнёзда. Потом дамы вернулись на свои места. Кавалеры в серых нарядах, раскинув исполинские крылья, важничая, подняли к небу головы, пропели, а потом встали около подружек часовыми. Минуты три спустя они, однако, бойко побежали на чистую площадку. Сначала я подумал, что птицы будут исполнять танец, но ошибся. Они встали в круг, замахали крылами, распушили хвосты и запели так, что заслушаешься. Я понял, о чём они поют. О том, что у них скоро выведутся на свет ребятишки, тут, на болоте, а потом поднимутся вместе с родителями на крыло в одной вольной стае.

Концерт прервал филин. Он с какой-то яростью, без весенней нежности хухукнул так громко, что круг журавлей сразу распался.

Из правого угла болота прибежали два зайца-серяка, за ними — первогодки-несмышлёныши. Они тыкались мордочками в ягель, искали пищи и, не находя, догоняли старичков. Вывела на гулянье своих детишек лиса-краса в рыжем сарафанчике с белым подгрудком. Журавли подняли острия клювов и ринулись на неё в атаку, прогоняя плутовку от гнездовья. Лиса с детишками боя не приняла. Из дальнего конца болота ровной поступью, не спеша вышли северные олени. На них

уже не было позолоченных рогов. Видно, они поистратили своё весеннее богатство.

К полночи стало темней. Но большого сумрака не было. Журавли, поджав под животы левые ноги, стояли смирно на правых, зорко озираясь и прислушиваясь. Олени сгруппировались в стадо, тоже стояли и, стоя, видимо, спали, но и во сне были чутки. Неподаляку мяукнула рысь. Стадо разомкнулось, но с места не ушло. Олени приняли круговую оборону. Журавли тоже загомонили. Однако рысь не собиралась на большую охоту, у неё ведь тоже появились детишки, и она больше думала о их воспитании. Куропатки взлетели, направились вдоль болота. Ещё бы! Им-то чего было бояться?

Северная ночь коротка, как детская распашонка, светла, как ключевая вода. Солнышка ещё не было видно. Однако оно уже вставало из росяной постели где-то за стеной леса, и из его светлого обода явственно проступали на землю пятна багрянца. И хор птичьих голосов грянул в честь солнца.

СЛЕДЫ РАССКАЗАЛИ...

З а деревенскими погребками начинается мелкая поросль ольшаника, рябинника, черёмушника. Дрозды, закончив завтрак, разлетелись по перелеску, оставив под рябинками кожуру ягод. Сороки перелетают с куста на куст, разносят весть о том, что в их владениях появился посторонний, от которого пахнет табачным дымком.

Я иду выше речного берега, минуя густоту ивняка. Тут нечего делать, тут ничего не прочитаешь. Одни вороны подле кусточков оставили незатейливые каракули. От берегов поднимаются к пашням покатые пожни, недавно запыленные первым снегом заливные

луга с маленькими спадами. Тут уйма следов куропатки. Вхожу в заросли ельника да березника. Пересекаю рощицу прямым, выхожу к глубоким оврагам.

По бокам оврага — лесная густота. Тут черёмушник, вересняк, смородинник и много-много малинника. Спускаюсь на дно оврага и иду по его дну, будто в туннеле. Осматриваюсь, прислушиваюсь, не прошумит ли русак? Но ветра нет и русака нет. Сегодня он лежит на чистом поле, в борозде иль у серого камня, лежит впритирочку, его нескоро заметишь.

Выйдя на опушку полянки, я увидел широкий росчерк следов. По ним понял, что тут расписался заяц-беляк. Он прощался с лёжкой. Откуда он сделал такой широкий прыжок? Что его заставило покинуть жильё? Может быть, потревожил его я?

Широкие прыжки зайца, плотно отпечатанные на первом лёгком снегу, привели меня к ручью. На его берегу, подле куста ивы, снег был беспорядочно утопан. Видно, была тут до моего прихода большая битва. Её я разгадывал, читая снежную книгу, минут двадцать.

В то время, когда заяц после ночного разгула облюбывал себе лёжку под вересковым кусточком и стал взбивать перинку для спанья, над поляной появился большой ястреб. Своими

круглыми и светлыми, как стекло, глазами он осматривал каждый бугорок земли, каждый кустик и овражек лесного поместья. Тетеревов он заметить не мог — в день первой пороши они прячутся в непролазных ельниках. А заяц увидел и камнем упал на вересовый куст. Заяц прыгнул через весь куст и стал бойко удирать. Без оглядки добежал до ручья, хотел его перепрыгнуть, но не успел. Острые когти ястреба впились ему в спину.

Поднять зайца в воздух ястреб не мог. Он бил его клювом, при этом взмахивая крылами, оставляя росчерки на снегу, а заяц носил его на своей спине по берегу ручья, поворачивал обратно, забегал в кусты малиника, снова оттуда выбегал, несколько раз падал обессиленный, но не сдавался. Он кидался на спину, думая этим сбить его, а в это время ястреб бил клювом с остервенением. Снег вокруг стал алым, а заяц всё ещё сопротивлялся. Он применял всю свою сообразительность, спасая жизнь. Один раз даже круто прыгнул в воду, пробежал по ручью метра два, ткнулся в вымоину берега: хотел сбить со спины врага, но этим только укрепил веру ястреба в победу.

Не выпуская зайца из лап, ястреб упёрся крылами о выступ берега возле вымоины, вытащил его из углубления. Тот уже не сопротивлялся.

Набивая нежным мясом голодный желудок, хищник потерял осторожность и никого не опасался, чувствуя себя в это время победителем и властелином маленького лесного мирка. Рядом рос мелкий березняк. На берёзки ястреб не обращал внимания. Он не ожидал отсюда нападения и только кидал свой острый взгляд в ручейковый овражек, боясь, что рыжая норка, старая ворчунья, попросит его поделиться добычей. Норка тоже была настороже. Она вся изогнулась, глаза загорелись, однако прыгнуть к ястребу не решалась, так как однажды уже побывала в его когтях. Ястреб не боялся норки, но не любил её за неуловимость, за хитрый нрав и воинственный вид, с которым она не раз вылезала из оврага.

Перебегая от куста к кусту, на свежий терпкий запах спешила лисица. Она тоже видела, как ястреб дрался с зайцем. Сидела в кустах маличника подле вымоины и ждала, когда ястреб утратит силы. Тогда уж придёт её черёд.

Когда ястреб стал потрошить зайца, лисица проползла на брюшке метров десять и пружиной кинулась на птицу, а её белые точёные зубы впились в горло пернатого хищника. Подмяв под себя ястреба, лисица оторвала ему голову, а тушку положила у ног. Посмотрела на зайца. Сразу зайца и ястреба далеко ей не унести.

С минуту сидя на задних лапах, лиса обдумывала положение. Потом взяла зайца за ногу и ястреба за крыло, ловко перекинула их на свою спину, побежала к стогу сена, у которого утром мышковала.

Норка вынырнула из куста можжевельника, побежала рядом со следом лисицы, не выпуская её из глаз и не попадаясь ей на глаза. Она кралась за лисой, мягко ступая лапками, сворачивала в кусточки, ложилась на брюшко, ползла. Это хитрая тактика. В бой с лисой из-за куска мяса она явно не хотела вступать. Ей уже не хотелось заполучить ни зайца, ни ястреба. Она мечтала только о маленьком кусочке мяса, чтобы заморить голодок, пришедший в её лёгкое тело.

Не добежав до стога метров двадцати, лиса прыгнула в сторону перелеска, сделала замкнутый круг и, подбежав к сену с другой стороны, положила добычу, принялась частить передними лапками, вытаскивая из стога ещё пахнувшие летом пучки сена. Когда углубление в стоге было сделано, она положила в него тушку ястреба, замаскировала отверстие, постояла перед ним и, убедившись, что сделано всё аккуратно, потащила зайца к перелеску, оставляя за собой ровную строчку следов.

Лиса скрылась в чапыжнике. Норка подбежала к стогу. По запаху нашла место, куда

лиса спрятала мясо, вытащила тушку ястреба и стала есть. Пообедав и оказавшись в тёплой постели, норка свернулась калачиком и, забыв всякие опасения, позволила себе недолго поспать.

Подступил вечер, когда я закончил чтение первой страницы снежной книги. С неба неслышно, будто порхающие снежные бабочки, почти невесомые, падали снежинки. Падали они медленно, вязкой цепочкой, боясь столкнуться в пути друг с другом. Приземлялись на первую порошу и сразу прятались из глаз, будто таяли. Становилось теплее. Тяжёлые облака, похожие на стальное литьё, остановились над землёй. Вот-вот должен был начаться дождь и смыть следы недавней драмы.

СКАЗОЧНЫЙ РЫБАК

Бывает, что в рассказанное трудно поверить, а на поверку выходит, что это правда. В конце мая пошёл я к озеру Унжело. Много был наслышан о его красоте, и главное, — о том, что в нём водится разная рыба. Спряталось это озеро далеко от городской суеты, в лесной глухомани. Однако проезжая дорога к нему невесть кем и когда проложена. Дорога сухая. На берегу озера расположилась старая-престарая небольшая дорога. Мне говорили, что во время половодья из окон домов можно рыбу ловить. Удили иль нет мужики этой деревни из Унжело в водоразлив рыбёшку, не знаю, но то, что иногда озёрная во-

да подходит к самым окнам в деревне, это верно.

У околицы стоял маленький домик, а около него развешивал рыболовные снасти старый рыбак. По фамилии его мало кто называл, а больше кликали Сёмушка. Да, пожалуй, фамилия ему и нужна-то была только тогда, когда он в колхозе получал зарплату за выловленную рыбу. Его карие глаза далеко видели, глубоко смотрели из-под густых бровей. Глаза были тёплые и доверчивые. Встретив меня, он спросил:

— Куда, сват-брат, путь держишь?

— К озеру Унжело. Хочу поглядеть его и малость порыбачить.

Сёмушка улыбнулся в чёрную бороду, головой покачал:

— Ты, сват-брат, опоздал.

— А что? Разве ты всю рыбёшку выловил?

— Нет, сват-брат, тоже не успел.— Старик улыбнулся.— Озеро-то убежало. Ещё вчера на зорьке я рыбачил, а сегодня вышел к озеру, а его уже нет. Убежало.

— Куда убежало? Что ты мелешь, старик?

Сёмушка развёл руками, пожал плечами:

— Да вот и убежало. Видимо, вода-то... без воды тоже жить не может. Природа кажинному живому существу дала то, что ему нужно, никого не обошла, вот и наше Унжело подарком наградила. Мне ещё в городе один рыбак рассказывал, что через определён-

ный промежуток времени Унжело исчезает, вода из него уходит, а вместе с нею и рыба.— Старик заметил моё волнение, с лукавинкой проговорил:

— Не печалься, сват-брат, без улова я тебя не отпущу.

— А где ж ты, дедушка, рыбу-то возьмёшь?

— А у меня в доме появился сказочный рыбак.

— Кто?

— Говорю, рыболов означился. В мой чуланчик рыбу всякую носит и плату за неё не требует.

— Чудно, как в сказке.

— Верно, сват-брат, как в сказке. Только для того, чтобы поверить в эту сказку, надо её проверить.

— А кто же всё-таки этот рыбак?

— Хочешь знать?

— Хочу.

— Мой кот Дергач.

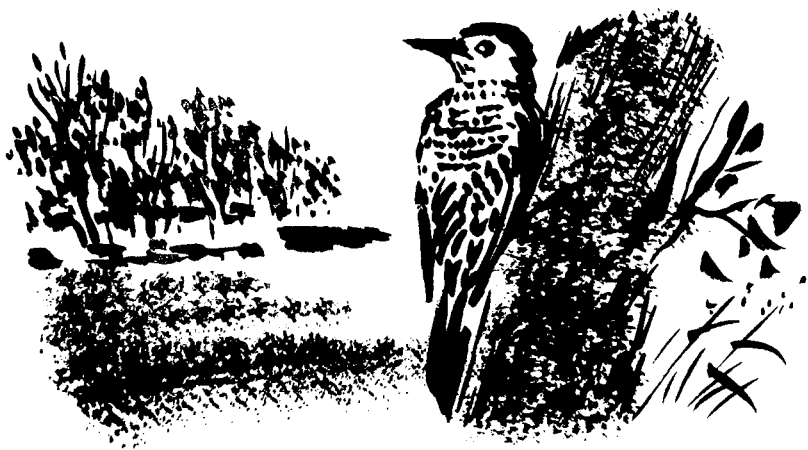
За чашкой чая Сёмушка рассказал мне об этом сказочном рыбаке подробнее.

— Рано утром я вышел к озеру, а озера-то нет, как будто его тут и не было. Дно сухое, травянистое, кое-где каменистая россыпь, серый песочек и деревянные гнилушки. В левом крыле озера — мелкие лужицы воды, а в

правом — бочаги с чистой водой. Посмотрел я на озеро и с грустью в сердце хотел было повернуть к дому. Но тут около одной лужицы заметил своего кота Дергача. Стал с любопытством за ним наблюдать. А Дергач войдёт в лужицу, встанет на задние лапки и смотрит в воду, а потом как-то ловко извернётся, ткнёт мордочку в воду и выходит на берег с рыбиной в зубах. Рыбина хотя и не крупна, но ведь любопытно. Кот, а рыбу ловит. Премило. Пошёл я домой. Попил чайку, наладил коту молочишка, пошёл в чулан. Прихожу и дивлюсь. На порожке вижу свежую рыбу. Тут есть небольшие щуки, лещи, язи. Вот, думаю, молодчага мой Дергач. Сам досыта рыбы наелся и мне, старику, носит. Смекалистый кот, дай бог ему долгой жизни, а ежели от него потомство появится, то пусть будут такими, какков отец...

ЛЕСНОЙ ПОПРОШАЙКА

Бабье лето. Днём будто через мелкое сито небо посылает на землю грибной дождик. У речного раздолья теплынь. Воздух чистый, смешанный с настоем разных пахучих трав. Однако всё ещё пахнет летом на некошеной поляночке в лесной дубраве. Скупно поёт пеночка, рьяно играет на свирели дрозд. Дрозды облепили спелую рябину, бегают по кистям ягод, песни поют. На речном берегу — сухостойная толстая ольшанина, а на ней — чёрный дятел с сизыми пёрышками, долбит-долбит: завтракает. Не поёт кукушка, не квакают лягушата. И во всём этом я чувствую какую-то таинственную тишину, в которую лёгким

журчанием лёгких струй вплетается мелодия осеннего ручейка.

Я сижу на валежине и часто закидываю леску в водоворот. По лету я знаю, что в этом водовороте, подле камней, крутится форель-пеструшка. Жор у рыбы начался вместе с зарёю, а сейчас уже полдень. Однако форель всё ещё кидается за наживкой, хватает её на плаву. В такие дни, когда над рекой поднимается лёгкая дымка, форель без всякой опаски плавится на виду у рыбаков, виляет задорно хвостом, показывает на боках пять красных звёздочек.

Я наловил форели полную сумочку из-под противогаса, а клёв не прекращался. Тогда я снял с плеч сумочку, переложил рыбу в другой мешочек, в котором хранил хлеб и завтрак. Рыбу в сумке положил под сосенку, что росла на самом берегу подле омута, а сам снова спустился к реке. Выловил ещё несколько рыбин, понёс их на берег, чтобы положить в мешочек, но нашёл его порванным и пустым. Кто бы мог быть воров? Сначала я подумал, что этим неблагоприятным делом занимается норка, так как её воровские повадки известны. Снова спустился к реке и только успел закинуть леску в воду, как увидел матёрого медведя. Он стоял подле сосны у моего мешочка и, видимо, после сытного завтрака облизывал губы. С перепугу я прыг-

нул в воду и поплыл на другой берег, подальше от медведя. Вышел на берег. Отряхнулся, посмотрел на место, где впервые увидел медведя, удивился. Медведь стоял на задних лапах, в правой передней лапе держал мой мешочек и, как я понял по его тихому рёву, просил у меня форели. Я ему ничего, конечно, не обещал. Медведь кинул в воду мешочек, посмотрел на меня с обидой, может быть, даже скупердяем назвал, и пошёл себе вперевалочку в чащу лесную. А я в тот день вернулся домой с пустым рюкзаком.

ПОЛЮШКА

Радиограмма с борта самолёта была короткой: «В квартале у Водлозера пожар». Директор лесхоза собрал бригаду, выехал к месту пожара. Лес загорелся, видимо, от рыбачьих костров ещё с вечера, так как огонь захватил весь сосновый бор и прилегающий к нему мелкий кустарник. Тушили пожар всеми средствами и не один день.

В один из таких дней я подобрал маленького лисёнка. От дыма он головой сунулся под корневище ели, а задок слегка дымился, шёрстка на хвостике сгорела, да и ножки тоже малость обгорели. Я вытащил из-под корневища лисёнка, поглядел ему в глаза: они умоляли о спасении.

Целую неделю лисёнок пролежал в корзине, ни разу не издал крика, ни разу не по-

просил поесть. Моя бабка подносила к его мордочке молочко, но лисёнок отворачивался, не принимал пищи.

— Может быть, он тоскует по заполью?— как-то спросила она.— Давай снесём его в поле, пусть там поправляется.

— Сначала малютку надо вылечить, а потом уж говорить о заполье.

Немало мы помучились, прежде чем поставить лисёнка на ноги. Имя ему мы дали простенькое, Полюшкой окрестили.

Жила Полюшка в запечнике, где ей было отведено уютное местечко. В избе никогда не пакостила, всегда просилась на волю и сразу возвращалась. Бывало, что ей долго не открывали двери. Тогда она стучала лапкой в оконное стекло, просилась в избу. Собак боялась, а дружила с нашей кошкой Векшей. Ели они всегда вместе и ни разу не дрались из-за еды.

В марте кошка подолгу стала где-то пропадать, и Полюшка однажды даже притащила её с улицы за хвост. Однако дружба у них из-за этого случая не оборвалась. Они по-прежнему были вместе. Спали рядышком на одной подстилке. Полюшка свернётся калачиком, а Векша ткнёт ей под живот свою полированную мордочку и посапывает в своё удовольствие.

Через год Полюшку трудно было узнать. В чистеньком рыжем платице она стала

похожа на модницу. Пробовал я Полюшку кой-чему научить, да, не зная методов дрессировки, затею эту оставил. А она между тем занялась разбоем. Поймает в лесной чащобе зайчонка и принесёт его домой. Пробовал её от этого отвадить, да не вышло: хитра, плутовата. Зарыл я как-то дохлую курицу глубоко в землю, а Полюшка всё равно её выкопала.

Любила Полюшка музыку. Бывало, включишь магнитофон, а она лежит подле него и слушает, пока не кончится лента. Когда стихнет музыка, забеспокоится, забегает вокруг магнитофона и глазами просит его включить. Ничего тут не поделаешь, приходилось просьбу её выполнять.

В тёплые дни я выходил с Полюшкой на озеро и там рыбачил. Первые дни для меня были удачными, но как только за нами стала бегать Векша, всё испортилось. Пока я удил, зверюшки всё время крутились подле меня, играя, мутили береговую воду, а под вечер прятали мою сумку с рыбой, и мне доводилось уходить домой ни с чем.

Но случилось то, чего я никак не ожидал от Полюшки. Под конец осени у моей бабки стали пропадать куры, а через неделю остался один чёрный петух с остро отточенными шпорами на ногах. Я понял, что пропажа кур с насеста — дело Полюшки, и решил

её свезти в зоопарк. Полюшку с радостью приняли и поблагодарили меня за дар. Простившись с ней, вышел из зоопарка, пошёл к вокзалу, чтобы купить билет на поезд и отправиться домой. Только успел я отойти от кассы и выйти на перрон, как кто-то сзади легонько ткнулся в мои ноги. Я повернулся и увидел свою Полюшку. Удивлённый и обрадованный, я наклонился, чтобы погладить её. Она лизнула моё лицо и уже больше ни на шаг не отставала от меня.

Дома расшумелась моя старушка:

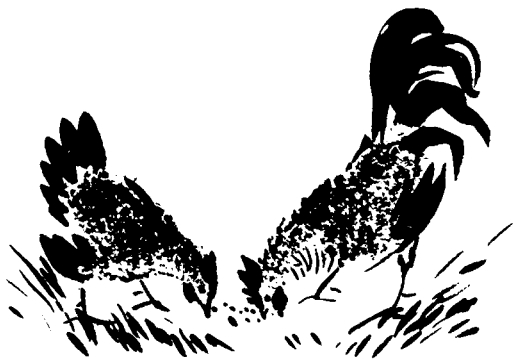
— Опять воровку привёз!

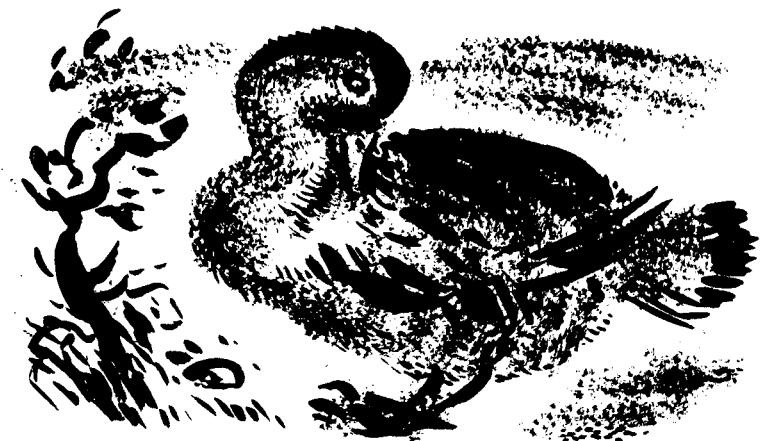
— Да, привёз,— ответил я бабке и для успокоения добавил: — Она поумнела и больше кур трогать не будет.

— Ручаешься?

— Ручаюсь, как за себя.

И надо же, не подвела меня Полюшка. Кур больше не трогала ни своих, ни чужих.

УМНАЯ УТКА

Из густой лесной чащобы река Иласега вырывалась на маленькую покосную поляночку. Вокруг росли сосенки и берёзки с осинками. Крутой спад воды создал в этом месте глубокий омут. Вода скатывалась с большого порога и дробилась в омуте, создавая завихрения. На середине омута всё время стояла воронка, а в ней кружился разный хлам и никак не мог из неё выбраться.

Справа от омута было спокойно. Наслаждаясь водным простором, там купалась утка. Озираясь по сторонам, она ныряла, копалась в песочке, выискивая для себя вкусные водоросли.

Притаившись за густыми кустами ивняка

да черёмушника, разросшимися по берегу реки, я наблюдал за уткой и ждал, что она будет делать дальше. Виден был мне и левый берег реки. Там рос плотный, непролазный чапыжник. Берег был подмывной, высокий, прямым скатом к воде. И тут я увидел матёрую рысь. Вжавшись в густую траву, она тоже наблюдала за уткой. Зверь почти слился с травой, однако кончик хвоста выдавал его. Он всё время был в движении. Очевидно, хвостом рысь отгоняла от себя наседавших мух. Её уши недвижно стояли над травой, и всё внимание было приковано к утке.

Закончив работу на отмели, утка лёгким плавом прошлась близ правого подмывного берега, обогнула шипящий и низвергающий воду спад, выплыла на середину омута и стала чистить пёрышки, покачиваясь на воде. Она разжигала у рыси аппетит. Рысь не выдержала такого издевательства, напряжилась, изогнулась и стрелой метнулась на утку. Но напрасно. Утка нырнула в воду, а рысь искала её и не находила. Видя безнадежность охоты, рысь поплыла на другой берег, к месту моей засады. Путь её проходил через воронку. Может быть, рысь не заметила опасности или понадеялась на свои силы. Но водоворот оказался более сильным, и рысь угодила прямо в воронку. Много сил и упорства потратила она, чтобы вырваться из плена,

да не смогла. Вскоре никого уже не видно было на плаву.

Утка вынырнула под левым берегом речного омута, стала купаться, забавляться. На отмель водоворот выплеснул рысье тело. Утка подплыла к мёртвой неприятельнице и, победно крикнув, взлетела. А я вытащил рысь из воды, снял с неё шкуру и с добычей направился к дому.

ВОРОБУШЕК

Январская стужа. Припудренный изморозью лес стоит задумчивый и всё время к чему-то прислушивается, чего-то ожидает. Ветра нет, нет и шума. Идёшь узкой просекой, будто по изумрудному коридору, а лёгкая паутина, сотканная из снежинок, ласкается к твоим ногам, просит обойти её стороной. Выполняешь её просьбу. Сворачиваешь с тропинки и выходишь на чистое плато небольшого озера, что приткнулось к маленькой речке Секше. Лыжи добро скользят по гладкому льду.

В мелком березняке подле речки, на узкой, едва проторённой дорожке, вижу серый комочек. Поднимаю его и рассматриваю.

Это воробушек. Замёрз бедный, а может быть, ещё жив, в тепле отойдёт. Прячу его под шубу, к сердцу, быстро иду к своему дому.

— Находка,— говорю своей жене,— нашёл на тропе, может, очухается в тепле.

Она молчит. Потом улыбается. Знает, что я сызмальства люблю всякую лесную живность. Вдыхает:

— Да уж ладно. Пусть погрееется.

В тепле воробей действительно ожил. Сначала открыл глаза, через несколько минут чирикнул и слегка встряхнул крылышками, а через полчаса встал на ноги, взлетел на шифоньер, прямо в коробочку, где ещё с осени хранились у меня пёрышки от погибшего голубка.

В первый день он не вылетал из коробки, да и есть не просил. На утро второго дня пожаловал на кухню и стал на столе клевать крошки хлеба, при этом весело чирикавая. Потом попил из блюдечка водицы и снова улетел в коробочку. Видимо, квартира ему понравилась, а когда жена открыла в кухне форточку, он не улетел на волю.

Так воробей прожил у нас до первых дней апреля. Наступила оттепель. Зацвела ивушка, распушив жёлтенькие почки. На воле стало тепло. Снега убегали с полей и полянок, деревья набирали силу. Весна взяла разбег.

Наш воробушек затосковал. Сядет у окна,

смотрит на волю и о чём-то думает, а потом забьётся, клювом забарабанит о стекло, будто хочет его разбить и вылететь на волю. Мы с женой во всех трёх комнатах открыли форточки: милости просим на свободу! Воробушек несколько раз облетел все три комнаты, а потом выпорхнул в кухонную форточку.

Мы никогда не думали, что он снова появится у нас в квартире. Однако на пятый день воробей прилетел на кухню и привёл за собой свою подружку. Влетели они всё в ту же кухонную форточку, забегали по столу, подбирая клювами крошки хлеба. Жена подошла к столу. Воробиха взлетела, села на подоконник и стала смотреть, что будет дальше, а наш воробушек ел рисовую кашку и часто-часто чирикал. Он звал свою подружку на завтрак, просил её не бояться нас, и мне казалось, что воробей выговаривал: «Человечки честные, чваниться нечего». Видимо, поверила подружка смелому воробью, снова села на стол и стала склёвывать зёрнышки.

ЖУРАВЛИНАЯ КАДРИЛЬ

До чего хорошо, когда над тобою — ясное солнышко! Тело в истому кидает. А если спрячется солнце за вуалью облаков, то сразу повеет ароматом лесных трав. Птицы весело поют. Все перелески полны мелодиями.

После завтрака, что приготовила нам жена потомственного рыбака Терентия, мы с директором рыбзавода Григорием Ефимовичем выходим на волю, садимся под берёзку, долго молчим, мысленно выясняем, какие промахи допустили во время ловли судака. Потом нас одолевает дремота, и мы растягиваемся на шёлковой траве, как на перине.

Легко дышится, спокойно сердце бьётся.

На обводном канале, названном Петровским, стрекочут, не умолкая, моторчики, шумит вода. Люди из Вытегры едут на отдых. Всякий рад порыбачить, сварить на берегу свежую уху.

Я проснулся раньше директора. Солнце уже полыхало на закате, за голубым полувшалком лесного кряжа. Я сходил к каналу, умылся и вернулся к Григорию. Он тоже проснулся, сидел и ел копчёную форель.

— Не хочешь? — спросил меня.

— Нет, не хочу.

— Тогда думай, где будем вечерять да зорьку встречать.

Я ему на это ничего не ответил, а он меня спросил:

— Хочешь на танцы?

— Куда? — насторожённо переспросил я.

— На танцы.

Я расхохотался, а он рассердился.

— Чудаковатый ты, старик. Я тебя не на людские танцы приглашаю, а на журавлиные.

Мы быстро обрядили лодку, сложили в неё свои пожитки, взяли у Терентия рыбёшки и отчалили от берега.

— Далеко? — спросил я.

— Нет, за поворотом, рукой можно дотянуться. За перекатом.

Однако пережат оказался в десяти с лишним километрах. Мы ехали в направлении Вытегры, и я всё время ждал, когда же капитан скажет: «Приехали, слезай, паря». На полном газу почти полчаса он гнал лодку, и только тогда, когда показался маяк, капитан сбавил газ, завернул лодку в протоку к озеру Котечное, повернулся ко мне, заговорщицки подмигнул, прошептал:

— Здесь.

Через заросли крупного тростника мы на вёслах добрались до Котечного озера и остановились в густых зарослях ивняка у правого берега.

— Тут посидим,— проговорил Григорий Ефимович, грозя мне пальцем: — Смотри, с птицей не заигрывай, ружьё оставь в покое да и сам не вздумай камаринского выплясывать.— Он закурил, с ехидцей добавил: — Такое тебе сразу не осмыслить, раз ты в таких делах не осведомлён...

Над протокой и над тростниковыми зарослями поднялся лёгкий туман, прикрывая водную гладь кисейной занавеской. Прямо перед нами была небольшая лужайка с первоцветами.

— Вот тут, на этой лужайке, они прошлую весну танцевали. Может быть, станут вытанцовывать и сегодня.

— Ой ли? — спросил я.

— Верно. Журавли постоянные. Если их человек не обижает, они всегда на старые места прилетают.

Рядом с нами, на плёсе, не чувствуя постороннего взгляда, купалась стая уток, разговаривала на своём языке. Директор рыбзавода был не охотник, ружья в жизни не имел, не стрелял в птицу, а любил её и берёг. Вот и сейчас, не отрывая глаз, он смотрит на вольные движения уток, выскивающих корм, и улыбается. А я? С детства с ружьём не расставался, сразу хватался за него при виде уток. Однако тут ради друга молчал, ружья не трогал. Директор видел мои мучения, поддразнивал меня глазами, будто говорил: «Утки-то к тебе в кошёвку сами просятся». И в самом деле, утки без боязни подплывали к нашей скрадке, так что их можно было взять руками.

— Т-ш-ш-ш-шшш...— услышал я легкий шепоток Григория Ефимовича.— Кажется, появляются.

Я посмотрел в небо и увидел девять крупных птиц. Это были серые журавли. Они без криков летали над луговиной и, очевидно, рассматривали, нет ли кого поблизости. Потом, видимо, убедились в безопасности, стали приземляться.

Минут пять они стояли на месте. Потом один, по всей вероятности, вожак, отделился

от товарищей и ясным зычным голосом прокурлыкал два раза: пора, мол, начинать...

Журавли окружили вожака и стали ходить вокруг, убыстряя шаги и часто взмахивая крылами. А вожак в самом центре стоял, большой, ширококрылый, и всё время выговаривал: «Кур-лы... кур-лы... кур-лии» — не пора ли, мол, танцевать повеселее? И вот разбежались журавушки по всей лужайке парами. Задрали кверху головы, веером распустили хвосты. Крыльями не махали, а держали их в развёрнутом положении. Высоко поднимали то правую, то левую ногу. Потом кружились, и нам казалось, что на лужайке не журавли танцуют, а кто-то перебирает большой букет цветов.

И вдруг вожак закружился на одной ноге так быстро, что мы еле-еле успевали следить за ним. Затем круто остановился, будто вкопанный, опустив клюв к земле. Пары разбежались по мелким кусточкам и долго оттуда не появлялись. Лишь через полчаса клич вожака вернул их на танцплощадку, и новый танец начался. На этот раз журавли отплясывали кадрили. Они степенно ходили наперекрест, и каждый старался поклониться встречному. «Всё как у людей», — подумал я.

С наступлением темноты журавлиная стая растаяла. Куда они делись? В воздух не под-

нимались. По всей вероятности, укрылись до утра в кустарнике.

Мы вывели лодку из тростниковых зарослей и выехали в протоку. На сердце было радостно и немного грустно.

СОДЕРЖАНИЕ

Ивушка	3
Ночь на болоте	9
Следы рассказали...	13
Сказочный рыбак	20
Лесной попрошайка	25
Полюшка	29
Умная утка	34
Воробушек	38
Журавлиная кадрили	42

Для младшего школьного возраста

Твердов Ефим Григорьевич

СКАЗОЧНЫЙ РЫБАК

Редактор Ю. М. Леднев
Рецензент И. Д. Полуянов
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректор Н. К. Галкина

ИБ № 421

Сдано в набор 22.11.82 г. Подписано в печать 18.02.83 г.
Формат 70×108/32 Бум. тип. № 1 Гарнитура школьная
Печать офсетная. Физ. печ. л. 1,5. Усл. печ. л. 2,1. Уч. изд.
л. 1,698. Тираж 30000. Заказ 8505. Цена 5 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, 160000, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, 160000, Вологда, Челюскинцев, 3.

5 коп.

